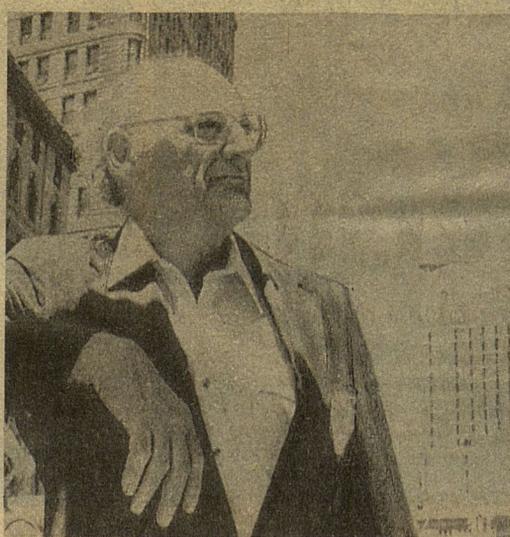

НАШИ ПУБЛИКАЦИИ

Артур Миллер:

В наплывах времени

СМЕТЬСЯ во время работы меня заставил Вилли (Вилли Ломен — главное действующее лицо пьесы А. Миллера «Смерть коммивояжера».— Прим. ред.), который находился в столь непримиримом разногласии с самим собой, что, смеясь, я однажды придумал заглавие пьесы — «Смерть коммивояжера». «Смерть приходит за архиепископом», квартет «Девушка и смерть» — смерть всегда придавала заглавиям строгость и возвышенность. Теперь к ней будет взывать недотепа, шут, представляющий сплошное скопище нелепостей, — в этом было что-то забавное и в то же время похожее на белую в глазу. К тому же в глубине моего сознания, возможно, таилась политическая подоплека: в воздухе пахло идеей создания новой Американской Империи, поскольку Европа, в чем я сам не так давно мог убедиться, умирала или уже умерла. И мне хотелось показать нашим новым политическим кормчим и самоуверенным тузам, что представляет собой труп их верноподданного.

На премьере женщина, чье имя я упоминаю не буду, возмущенно назвала пьесу «бомбой» замедленного действия, введенной под американский капитализм». Похоже, так оно и было: «бомба» была подложена под всю бессмыслицу, под всю псевдожизнь капитализма, воображающего, что, взгромоздившись на холодильник, можно дотянуться до облаков и, помавав луной оплаченной закладной, почувствовать себя победителем.

После того как пьеса была окончена и отослана Казану (Элиа Казан — известный американский режиссер театра и кино.— Прим. ред.), я старался в течение двух дней не отходить далеко от телефона. На исходе вторых суток я был готов выслушать от него что угодно — что это сырая, непрописанная и несценичная чушь, — но телефон упорно молчал. Когда Казан наконец позвонил, его голос был на удивление мрачным.

«Я прочитал пьесу». Казалось, он не знал, как сообщить мне дурные вести. «Боже, она такая печальная».

«Так и было задумано».

«Я только что кончил. Не знаю, что сказать. Мой отец...» Его прорвало — он первым из великого множества мужчин и женщин сказал мне, что Вилли — его отец. Я все еще сомневался, полагая, что это вежливая форма отказа. «Ты написал великую пьесу, Арти. Хочу поставить ее к осени или зимой. Я уже начал думать о составе». Он говорил так, как будто кто-то, кого мы оба знали, только что умер, и это наполняло меня ощущением счастья. Таково искусство.

На премьере в Нью-Йорке мы с Казаном сидели в конце уютного зала театра «Морско» на ступеньках лестницы, ведущей на балкон. Ли (Ли Кобб — первый исполнитель роли Вилли Ломена в театре на Бродвее.— Прим. ред.) произносил со сцены: «Между прочим, он умер смертью коммивояжера...». Все шло прекрасно, за исключением того, что я чувствовал себя вконец измочаленным, поскольку на протяжении всего спектакля проговаривал за актерами все роли. К концу пьесы в зале воцарилась та же атмосфера, что и в Филладельфии: сцена была погружена в состояние возвышенной эйфории, которая для меня уже теперь не была неожиданностью. Толпа поклонников заполнила коридоры, ведущие в гримерные. Впервые на моем спектакле присутствовали звезды кино, однако я был почти неизвестен и, стоя в углу, мог спокойно наблюдать за ними. Люси Болл и Дези Арназ, Фредрик и Флоренс Мач, имена и лица — многие из которых я уже давно забыл, — свидетельствовали о том, что отныне я намертво привязан к шоу-бизнесу.

Впервые о салеминых ведьмах (речь идет о работе А. Миллера над пьесой) о Салемском процессе «Суровое испытание».— Прим. ред.) я узнал из курса американской истории в Мичиганском университете, и с тех пор помнил об этом эпизоде как об одной из таинственных мистификаций далекой старины.

Сначала я и не собирался писать пьесу на эту тему. Здравый смысл подсказывал мне, что я не сумею погрузиться в необузданную стихию иррационального, связанную с салеминой историей. Пьеса не может описывать переживание, пьеса должна стать им. Постепенно, по прошествии времени, в моем сознании сложилась живая цепочка событий — я и Салем и Салем и Вашингтон, ибо чем бы еще там ни были слушания в Вашингтоне, они носили откровенно вызывающий характер. Практически в каждом отдельном случае комиссия заранее знала, какие показания ей были нужны от свидетелей — имена членов компартии. Хотя сотрудники ФБР, просочившись в партийные ряды, уже давно идентифицировали списки участников различных митингов. Подобно тому, как это происходило в Салеме в XVII веке, главной задачей слушаний публично было заставить обвиняемого принести публичное покаяние, отречься от сообщников и наставить без, и отказом от старых обетов подтвердить, заслужив право присоединиться к сообществу исключительно благопристойных соратников.

Другими словами, в основе обеих процедур лежала одна и та же чисто обрядовая подоплека — акт раскаяния должен был совершаться не в тайном одиночестве, но на виду у всех. Однако в ходе салеминого процесса обвинения имели большую юридическую правоспособность, чем сейчас, поскольку подсудимые, обвинявшиеся в близости с «нечистым», преступая закон, запрещавший практику ведовства, совершали правонарушение гражданского и религиозного кодексов, тогда как тем, кто обвинялся в оскорблении комиссии по расследованию антиамериканской деятельности, не могли быть предъявлены никакие иные обвинения, кроме отказа от ортодоксальных взглядов, принятия идеологии политическим недрогом. На тех, кто предоставил перёд лицом комиссии, навешивались ярлыки, что должно было неблагоприятно повлиять на их будущую карьеру.

Решение написать пьесу о судебных про-

цессах над салемиными ведьмами, было весьма неопределенным, меня сдерживали конкретные проблемы, а также подозрение, что я ввергну себя в пучину неурядиц не только политического, но и личного характера. Ибо с самого начала размышления о салеминой истории группировались вокруг центрального образа, который вдохновлял меня. Им был преследуемый сознанием собственной вины Джон Проктор, однажды проведший ночь со своей молодой служанкой и вдруг с ужасом обнаруживший, что она, возглавив толпу односельчан в охоте за ведьмами, остановила свой указующий перст на его жене, которую сам же Проктор и предал. Основные линии пьесы все еще не до конца вырисовывались, но инстинкт, как это обычно бывает со мной, предупреждал, что меня не оставят в покое, если я до конца разоблачу подобную ситуацию. Таким образом, решив совершить предварительную поездку в Салем, городок, расположенный в штате Массачусетс, где до настоящего дня сохранились архивы исторических процессов над ведьмами, я устремился вглубь настолько же, насколько и на север, то и другое проделав не без некоторого волнения. За день до отъезда мне позвонил Казан и попросил навестить его.

Поскольку он не любил психических бесед, во всяком случае со мною, а это был уже его второй или третий звонок за несколько последних недель, я начал подозревать, что с ним случилось что-то неладное, скорее всего связанное с комиссией. Проклиная наступившие времена, серым промозглым коннектикутским утром в начале апреля 1952 года я выехал из дома. А в дороге понял: мой друг принял предложение комиссии сотрудничать с нею. Я знал, что лет пятнадцать назад он одно время состоял членом партии, о чем как-то сказал мне, но в целом всегда был далек от политической жизни, по крайней мере те пять лет, что мы были знакомы. Я чувствовал, как во мне закипало негодование, но не против него, которого любил как брата, а против комиссии, которая представлялась сворой политических дельцов с весьма сомнительной репутацией.

Выглянуло солнце, когда мы вышли из дома, чтобы прогуляться в лесу под роняющими капли деревьями. Мне казалось, что Казан старался выглядеть спокойным, как человек, принявший решение, и, пожалуй, даже удачное решение. Его рассказ, безыскусный и к тому моменту уже достаточно банальный, занял совсем немалое время. Его вызвали, и он отказался от сотрудничества с ними, однако потом передумал и решил дать показания на закрытом заседании, назвав несколько десятков имен людей, которых знал во время своего недолгого пребывания в партии. Теперь он испытывал чувство облегчения, все стало как-то проще. На самом деле он ждал совета, как будто еще не совершил того, что уже было сделано.

Сама же ситуация виделась настолько нереальной, что я никак не мог осмыслить ее. Я никогда не знал, что значу для него, но же вошел в мои сны как брат, и там мы обменивались улыбкой взаимопонимания, по сравнению с которой все остальное ничего не значило. Теперь же, слушая его, я испытывал все большее ощущение ужаса. В том, что он говорил, была своя мрачная логика: если он не выйдет сухим из воды, он должен будет полностью отказаться от надежды когда-либо снять в Америке фильм, достойный его дарования. Возможно, ему при этом откажут в разрешении работать за границей. Театр, если он останется в его жизни, уже не увлек его так, как прежде, он во что бы то ни стало хотел работать в кинематографе, к которому прикипел душой. Но его старый покровитель и друг Скайрос Скоурас, президент кинокомпании «XX век — Фокс» весьма недвусмысленно объяснил, что они не смогут предоставить ему работу, если он не даст соответствующих показаний в комиссии... Он старался говорить как можно убедительнее, передо мной же в лесу сейчас разворачивалась трагедия. Я чувствовал глубокую симпатию к Казану и одновременно страшился его. Если бы я принадлежал к его поколению, ему пришлось бы и меня принести в жертву. Эта мысль, единственная, в конце концов осталась в моей голове. Я не мог от нее избавиться.

Последнее, что я мог ему сказать, что это пройдет, что это должно пройти, поскольку разлагает единство, составляющее основу нации и являющееся залогом того, что она сможет развиваться, предоставленная самой себе. Я сказал, что наши страхи сейчас разжигают не красные, а кое-кто совсем с другой стороны.

И все-таки мысль, сколь бы невероятной она ни казалась, что я мог бы стать одним из этого списка, если бы Казан знал, что я когда-то посещал собрания писателей, состоявших в партии, и даже выступал на одном из них, все более отрезвляла меня.

Я уже сел в машину, когда Молли Казан спросила — мне никогда этого не забыть — знаю ли я, что объединенный профсоюз электриков находится в руках коммунистов. Стоявшая передо мной под моросющим дождем женщина, борющаяся за карьеру своего мужа, который в более спокойные времена заставил бы ее расстаться, настолько он не был связан с дилеммой, нависшей над нами. Я пробормотал, что довольно давно ничего не слышал об этом профсоюзе.

Когда я сказал, что еду в Салем, она мгновенно поняла, что это значит, и ее зрачки расширились от внезапной догадки, а может быть, и гнева. «На надо сравнить нас с ведьмами!» — сказала она. Я ответил, что совсем не уверен, смогу ли писать пьесу, и еду просто покопаться в архивах. Мы грустно помахали друг другу, когда я отъезжал.

Капли моросящего дождя стекали с ветрового стекла мне в душу...

Перевод с английского С. МАКУРЕНКОВОЙ.